

И.А. Бунин. «Качели».

Это его самый короткий и самый тонкий рассказ о любви – быстрой и прекрасной своей быстротой, завершенностью, искренностью, свободой от условностей и присущего многим страха перед обыденностью долгой жизни...

В.Муромцева.

КАЧЕЛИ

В летний вечер сидел в гостиной, брэнча на фортепьяно,
услыхал на балконе ее шаги, дико ударил по клавишам и не
в лад закричал, запел: Не завидую богам,
Не завидую царям,
Как увижу очи томны,
Стройный стан и косы темны!

Вошла - в синем сарафане, с двумя длинными темными
косами на спине, в коралловом ожерелье, усмехаясь
синими глазами на загорелом лице:— Это все про меня?
И ария собственной композиции?— Да! И опять ударил и
закричал: Не завидую богам...

— Ну и слух же у вас!— Зато я знаменитый живописец. И
красив, как Леонид Андреев. На беду вашу заехал я к
вам!— Он пугает, а мне не страшно, сказал Толстой про
вашего Андреева.— Посмотрим, посмотрим!— А дедушкин
костыль?— Дедушка хоть и севастопольский герой, только с
виду грозен. Убежим, повенчаемся, потом кинемся ему в
ноги — заплачет и простит...

В сумерки, перед ужином, когда в поварской жарили пахучие битки с луком и в росистом парке свежело, носились, стоя друг против друга, на качелях в конце аллеи, визжа кольцами, дую ветром, развевавшим ее подол. Он, натягивая веревки и поддавая взмах доски, **делал страшные глаза**, она, **раскрасневшись, смотрела пристально, бессмысленно и радостно.**— **Ау! А вон первая звезда и молодой месяц и небо над озером зеленое-зеленое — живописец, посмотрите, какой тонкий серпик! Месяц, месяц, золотые рога... Ой, мы сорвемся!** Слетев с высоты и соскочив на землю, сели на доску, **сдерживая взволнованное дыхание и глядя друг на друга.**— **Ну что? Я говорил!**— **Что говорил?**— **Вы уже влюблены в меня.**— **Может быть... Пойдите, зовут к ужину... Ау, идем, идем!**— **Погодите минутку. Первая звезда, молодой месяц, зеленое небо, запах росы, запах из кухни, — верно, опять мои любимые битки в сметане! — и синие глаза и прекрасное счастливое лицо...**— **Да, счастливее этого вечера, мне кажется, в моей жизни уже не будет...** — **Данте говорил о Беатриче: «В ее глазах — начало любви, а конец — в устах».** **Итак?** — сказал он, беря ее руку. Она закрыла глаза, клонясь к нему опущенной головой. Он обнял ее

Когда шли по аллее, он смотрел себе под ноги:— Что ж нам теперь делать? Идти к дедушке и, упав на колени, просить его благословения? Но какой же я муж?— Нет, нет, только не это.— А что же?— Не знаю. Пусть будет только то, что есть... Лучше уж не будет.

10 апреля 1945